

едином" и "О бесконечности, вселенной и мирах".

Философские воззрения Ноланца формировались под влиянием многих предшествующих учений: неоплатонизма, стоицизма, идей Демокрита и Эпикура, Гераклита, гуманистических теорий. Заметно воздействие концепций арабоязычных философов Аверроэса и Авиценны, а также еврейского философа Авицеброна (которого, впрочем, тогда считали арабом Ибн Гебиролем). Внимательно изучал Бруно и тексты Гермеса Трисмегиста, которого в собственных сочинениях Бруно называл Меркурием. Большое значение для Бруно имела теория Коперника о гелиоцентрическом строении Вселенной, послужившая отправной точкой для его собственных космологических представлений. Современные исследователи подчеркивают серьезное влияние философии Николая Кузанского, особенно учения о совпадении противоположностей. Наверное, только Аристотеля и основывавшихся на нем философов-схоластов Бруно не принимал вовсе и постоянно критиковал.

Философским контрапунктом учения Джордано Бруно является учение о совпадении противоположностей, почерпнутое им, как уже говорилось, у Николая Кузанского. Размышляя о совпадении бесконечного и конечного, высшего и низшего, Бруно развивает учение о совпадении максимума и минимума. Используя в том числе и математические термины, он приходит к выводу, что раз максимум и минимум совпадают, то минимум, как наименьшее, является субстанцией всех вещей, "неделимым началом". Но так как минимум это "единственная и коренная субстанция всех вещей", то "невозможно, чтобы она имела точное определенное имя и такое название, которое обладало бы положительным, а не отрицательным значением". Поэтому сам философ подчеркивает, что следует различать три рода минимумов: в философии – это монада, в физике – атом, в геометрии – точка. Но разные наименования минимума не отменяют главного его качества: минимум, как субстанция всех вещей, является основой всего, в том числе и максимума: "Так, субстанция вещей нисколько не изменяется, она является бессмертной, ее не рождает никакая возможность и никакая не уничтожает, не портит, не уменьшает и не увеличивает. Благодаря ей рождаются рожденные и в нее они разрешаются".

Учение о совпадении минимума и максимума переносится Бруно и в теологию. Его представления о Боге можно охарактеризовать как пантеизм: "Бог есть бесконечное в бесконечном, он находится во всем и повсюду, не вне и над, но в качестве наиприсутствующего", – писал Ноланец. Развивая свои пантеистические представления, Бруно утверждает: "Природа... есть не что иное, как Бог в вещах". Таким образом, в теологическом плане итальянский мыслитель сближает Бога и природу, а в философском – форму и материю. В результате саму материю Бруно называет не иначе как "божественное бытие в вещах", тем началом, которое "все производит из собственного лона".

Следовательно, мир, в каждом элементе которого присутствует Бог, является одушевленным: "Мир одушевлен со всеми его членами". При этом душа – это "ближайшая формирующая причина, внутренняя сила, свойственная всякой вещи". Бруно близка неоплатоническая идея о Душе Мира, как формирующей силе, поэтому в его диалогах Душа Мира иногда подменяет собой Бога, ибо является неким мировым Разумом (интеллектом).

Учение о совпадении противоположностей, пантеистическая трактовка сущности Бога и признание всемирной одушевленности материального бытия приводят Джордано Бруно к утверждению идеи абсолютного единства мира: "Вселенная едина, бесконечна, неподвижна. Едина, говорю я, абсолютная возможность, едина действительность, едина форма, или душа, едина материя, или тело, едина вещь, едино сущее, едино величайшее и наилучшее". Таким образом, вселенная "в своем бытии заключает все противоположности в единстве и согласии". Поэтому он приходит к выводу, что "все вещи находятся во вселенной и вселенная во всех вещах; мы в ней, она – в нас". Именно единство – это "единое вечное" в мире.

Познание единства мира, по убеждению Джордано Бруно, является главной целью познания вообще. "Те философы, – пишет он, – которые нашли это единство, обрели себе в подруги мудрость". Продолжает: "Мудрость, истина, единство фактически являются одной и той же вещью".

Сами способы познания и их взаимоотношения, Бруно определяет также, как и Николай Кузанский: чувственное познание (*sensus*) служит основой рассудочного познания (*ratio*), которое, в свою очередь, является фундаментом разумного или интеллектуального познания (*intellectus*). Правда, Бруно придает гораздо меньшее значение чувственному познанию, зато он верил в бесконечные возможности разума.